

ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА

ВЛАДИМИР

КОЛЬЧЕВ

**ЕГО СЧИТАЛИ
ПОДКАБЛУЧНИКОМ**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Оформление серии *С. Власова*

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 Его считали подкаблучником / Владимир
Колычев. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
352 с. — (Колычев. Лучшая криминальная дра-
ма).

ISBN 978-5-699-92521-6

Таких, как Михаил Жилкин, называют слабохарактерными. В молодости не смог удержать любимую девушку, пришлось жениться на другой и сразу же угодить «под каблук». Если бы не брат супруги, криминальный авторитет Павел Горохов, не видать бы Михаилу ни кресла директора фирмы, ни выгодного тендера на строительство дороги. Правда, чтобы заполучить тендер, пришлось руками шурина убрать законного подрядчика. По иронии судьбы, им оказался соперник Михаила, уведший когда-то у него невесту. Горохов понимает, что Жилкин может выдать его полиции, и планирует устранить Михаила. Однако бизнесмен находит в себе силы и неожиданно наносит кровавому родственнику упреждающий удар.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В., 2016

© Оформление.

ISBN 978-5-699-92521-6

ООО «Издательство «Э», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Ветер теплый, но сильный. Высокие сосны покачиваются, их макушки царапают голубой купол неба. В душе сквозняк, сердце бьется, как форточка на ветру, — хлестко, враздробь. В мыслях путаница, в чувствах смешение. Не по себе Михаилу Жилкину, пальцы нервно теребят верхнюю пуговицу на рубашке. А в голове вопрос — зачем он здесь, на этом судилище, которое может закончиться смертельным выстрелом?

Но в то же время Жилкин не мог не находиться тут, на месте возможной казни. Во-первых, это двор его дома. Во-вторых, он говорил с Ильей Замятовым, просил его отступить от проекта, который достался ему несправедливо, но тот лишь посмеялся над ним.

Зато сейчас Илье не до смеха. Паша Горохов умеет внушать и убеждать. Одна его физиономия чего стоит — грубые, тяжелые черты лица, массивные надбровья, слегка примятый, ударопрочный нос. Взгляд резкий, пронизывающий.

Илья стоял перед ним на коленях, а он смотрел на него сверху вниз, как ястреб на свою жертву. Клюв у него уже нацелен на удар. Ствол пистолета давит Замятову на голову, палец шевелится на спусковом крючке.

Освободиться жертва не может. Телохранители Горохова держат Илью крепко. Тюлень и на вид мощный малый, и на поверку силы у него в руках немерено. И Филат ему под стать.

— Ты хорошо подумал, мужик? А то с того света обратных билетов не продают. — Улыбка у Горохова хищная, взгляд пронизывающий насквозь.

Черная шелковая рубашка на нем расстегнута до пупа, золотой черненый крест на толстой цепи запутался в поросли волос на груди. Он вел себя непринужденно, раскрепощенно, не позировал, но выглядел очень внушительно.

Хотел бы Жилкин выглядеть таким же крутым, как брат его жены, но пока это у него не получалось. Почему рубашка снова застегнута на верхнюю пуговицу, как у законченного ботаника? Он же давал себе слово!..

— Я ведь предложил вариант, — зажмурил от страха глаза, пробормотал Замятов. — Мы строим дорогу вместе.

— Без вариантов. — Горохов был неумолим. — Ты лишний в этом проекте.

— Но я же выиграл тендер, сам должен строить дорогу!

— Не должен.

— Но мы же можем строить эту чертову дорогу вместе!

— Если мы построим эту дорогу вместе, то ты с нее не сойдешь. Я на этой дороге закатаю тебя в асфальт. А если ты отсохнешь, так уж и быть, живи дальше. Все очень просто и понятно.

— Но так нельзя!

Горохов покачал головой, с сожалением глядя на жертву. Почему Замятов такой несговорчивый? Палец угрожающе шевельнулся на спусковом крючке.

— Да или нет?

— Нет! — Замятов уронил голову на грудь.

Жилкин очень хорошо знал своего шурина, поэтому зажмурился и лишь вздрогнул, когда прозвучал выстрел.

Он открыл глаза и увидел неподвижное тело. Замятов лежал на боку в безжизненной позе, под голову из дырки в затылке вытекала кровь.

Горохов поднес ствол пистолета ко рту, подул на краешек и с демонической улыбкой глянул на Жилкина. В душе Михаила как будто лопнул мешок с ледяной водой, холод хлынул вниз, к пяткам.

— Что, страшно? — с усмешкой спросил Горохов.

— Нет! — Жилкин не чувствовал под собой ног, но это не помешало ему податься назад.

— А то смотри, я сегодня за кассира. Могу и тебе прямой билет выписать.

— За что?

— Не за что, а для чего. Чисто для профилактики.

— Ты думаешь, что я кому-то расскажу? Да никогда!

— Уверен?

— Да век воли не видать!

Горохов удивленно вскинул брови, сверкнул взглядом и железными пальцами схватил Жилкина за щеку.

— Никогда так не говори. Ты даже не фраер, а никто, пустое место. Ты меня понял?

— Да.

— Смотри у меня! — Горохов отпустил Жилкина, пальцем показал на Филата, велел ему прибраться, а сам ушел.

Филат с Тюленем отправились за пленкой, в которую можно было упаковать труп.

Жилкин должен был уйти, но его ноги будто вросли в землю. Он смотрел на труп бывшего друга, который стал жертвой его корыстных интересов.

«И надо же было мне обратиться за помощью к Горохову?.. Лучше бы я переключился на другой проект, забыл о досадном проигрыше, — раздумывал Михаил. — Но было бы еще круче, если бы я сам наказал Илью за его наглость и упрямство. Еще за Лену неплохо было бы спросить. Я готов был жениться на этой прекрасной девушке, а Замятов оставил меня с носом. Лучше бы я сам сделал Лену вдовой.

Это не так уж и трудно. Берешь пистолет, наводишь ствол на врага и спускаешь курок. Для

Горохова нетрудно, поэтому он такой невыносимо крутой. Мне до него как до Луны. Или все-таки есть возможность дорасти до такого уровня? Для начала неплохо бы сделать лицо».

Жилкин расправил плечи, приподнял подбородок. Его физиономия разгладилась.

В этот момент ему на плечо опустилась женская рука. Он вздрогнул, пугливо дернулся, вытянулся в лице.

К нему подошла жена, ухоженная манерная женщина лет тридцати.

Она не сильным, но властным движением повернула его к себе лицом, с ехидной улыбкой заглянула в глаза:

— Ты что, испугался?

— Нет, — сказал Жилкин, пытаясь стряхнуть с себя растерянность.

— Я все видела. Ты испугался.

Она смотрела на мужа, как придирчивый мужчина на красивую девушку с очевидными признаками умственной недоразвитости. Вроде и восхищаться есть чем, и страсть всколыхнулась, но минусы так явственно перевешивают плюсы, что вызывают презрительную усмешку. Алла Жилкина презирала мужа за его природную трусость, и он это понимал.

— Я не испугался! — В его голосе скрипнула истеричная нотка.

— Теперь ты понимаешь, как настоящие мужчины решают дела?

— Это слишком жестоко, — сквозь зубы процедил Жилкин.

— Не будь размазней! — Алла зажеманилась, плавным кошачьим движением притерлась к мужу, облизнула его своим телом и направилась к дому.

Жилкин зыркнул ей вслед, повернулся к трупу и направил на него воображаемый пистолет. Он не хотел выглядеть размазней в глазах жены.

Лето в Подмосковье не жаркое, но все равно это не лучшее время для бронежилета. Носить его под свитером или курткой еще куда ни шло, а под пиджаком или даже под рубашкой — ни в какие рамки. И неудобно, и толстит. К тому же у пули есть запреградное воздействие, которое доставляет дикую боль и даже убивает.

А что такое боль от пули в живот, майор Архатов знал прекрасно. Еще свежи воспоминания...

Он вздохнул, глядя на себя в зеркало, с трудом снял пиджак, расстегнул рубаху, стянул бронежилет, провел рукой по животу, из которого зимой доктора вытащили бандитскую пулю. Майор уже вышел на службу, работа продолжалась, в любое время можно было нарваться на отморозка с пистолетом. Пресс у него прокачан, мышцы в тонусе, но разве ж они остановят пулю?

Внешность у него достаточно брутальная, он умеет производить впечатление на криминальный элемент. Атлетическое сложение, жесткие черты лица, матерость в облике, прожженность во взгляде. Но именно это и могло сыграть с ним злую шутку.

Отморозок, которого Архаров преследовал зимой, испугался его, а потому не стал рисковать, надеяться только на свои быстрые ноги. Он схватился за пистолет и выстрелил. А мог бы просто убежать, потому как ноги у него действительно были быстрыми.

Архаров снял бронежилет, оделся, влез в наплечную сбрую, всунул в кобуру верный «ПММ» и вышел из кабинета.

В коридоре у Доски почета возился подполковник Званцев, помощник начальника УВД по работе с личным составом. Важный и напыщенный, как индюк. Волосы у него ершистые, торчком, да еще огненно-рыжие, как будто костер на голове горит.

Капитан Пирожников предлагал для оперативных выездов приобрести кабриолет, а Званцева использовать вместо водителя. Он мужчина крупный. Если будет высоко держать голову, то проблесковые маячки станут не нужны. А если Званцев начнет кричать «Берегись!» своим густым зычным голосом, то и на сирену тратиться не придется.

Званцев это услышал и обиделся. С тех пор он фуражку не снимает.

— Товарищ майор! — Помощник начальника кивком показал на свое творчество и осведомился: — Ну и как?..

— Очень хорошо!

Архаров зацепился за свою фотографию, глянул на физиономии подчиненных.

Капитан Бойков — краса и гордость отдела. Широкое прямоугольное лицо, волевой подбородок, сосредоточенный, обращенный в будущее взгляд. Орден Мужества на широкой груди.

Капитан Пирожников, отличный опер и очень непоседливый человек. На лице у него недовольное выражение. Как же так? В обычной обстановке он и минуту усидеть на месте не может, а фотография держит его в непрерывно статичном положении. Ужас!..

— Лучшие из лучших! Парни из нашего города! — с должностным пафосом выдал Званцев.

Архаров усмехнулся в ус и спросил:

— А на городскую доску вытащить не пробовали?

— На городскую? — Званцев задумчиво пощупал нос. — Лучших сотрудников?

— Да. И лучших секретных сотрудников тоже.

— Ну...

— Зайдите ко мне, Андрей Данилович, я вам список дам. Вдруг пригодится.

— Да, было бы неплохо.

Архаров открыл дверь в кабинет оперуполномоченных, переступил порог.

Только тогда Званцев спохватился:

— Секретных сотрудников?! Тьфу ты!..

Архаров сделал вид, что не услышал его.

В кабинете он обнаружил Пирожникова. Семен сидел за столом, явно порывался встать и куда-нибудь бежать. Его потуги сдерживала не очень молодая, но красивая женщина интеллигентного

склада. Она сидела боком к Архарову и не повернула к нему головы, когда он зашел.

Майор узнал ее.

— Елена Евгеньевна, да не грустите вы. Загулял ваш благоверный, с кем не бывает! — сказал Пирожников, локтем оперся на стол, уложил голову на ладонь.

Этим он как будто пытался удержать себя на месте, но поджарый зад сам по себе отрывался от стула. То привстанет Семен, то присядет.

— Мой муж не мог загулять, — мягко отрезала женщина.

Архаров присел на краешек стула, за стол, который находился у нее за спиной.

— Пока не загуливалось, не мог. А потом раз, и закутилось. Вы же знаете, все когда-нибудь бывает в первый раз.

Архаров поднялся из-за стола, выразительно посмотрел на подчиненного, взглядом показал на дверь:

— Семен!

Пирожников понял все правильно, но именно поэтому его поджарость потяжелела. Капитан едва отлепился от стула. Из кабинета он выходил без всякой охоты, хотя только что мечтал выпорхнуть из толстых стен на оперативную волю.

Архаров опустил за его стол и с приветливой улыбкой посмотрел на женщину.

— Елена Евгеньевна, вы же меня знаете. Начальник отдела уголовного розыска майор Архаров. Я перед вами в долгу. Вы могли бы сразу обратиться ко мне.

Замятова задумалась, погрузилась в глубины памяти, нащупала там знакомый образ, сверила с оригиналом и со смущенной улыбкой вытянула его наружу.

— Да, я вас знаю. Пулевое ранение в брюшную область.

— Болевой шок, остановка сердца. Вы меня с того света вытащили. Если бы не ваши золотые руки, кормил бы я сейчас червей.

— Ну что вы! Я всего лишь вытащила пулю.

— Что ж, тогда и я всего лишь найду вашего мужа. Или я неправильно вас понял?

— Да, у меня пропал муж. Его нужно искать. Он три дня не ночевал дома. На работе его нет, телефон не отвечает. Я все морги обзвонила. — Званцева достала из сумочки носовой платок, но к глазам его прикладывать не стала.

Нехорошее у нее предчувствие, но еще рано лить горючие слезы. Да и нет желания оплакивать мужа.

В боксе бьют руками, но удары идут от ног. Умеешь владеть ими, будет у тебя и маневренность. Михаил Жилкин умел бить, но ему далеко не всегда удавалось уходить от встречных ударов. Именно поэтому он и забросил занятия боксом. Еще в девятом классе.

Но сейчас ему ничто не угрожало. Боксерская груша — штука покладистая, ее можно колотить сколько угодно, и в ответ ни разу не прилетит. А бить он умел. Удар у него такой, что

порой сотрясались собственные головные полусария.

Дом у Михаила большой, со своим собственным спортзалом. Правда, Жилкину не каждое утро удавалось заставить себя встать на зарядку.

Удар, еще удар. Одиночный, двойка, тройка и снова двойка, но уже по корпусу.

— Bravo!

Жилкин остановился, услышав голос Горохова. Паша обычно спал до десяти, спортом, если случалось настроение, занимался после обеда. А сейчас утро. Что это с ним?

Горохов стоял в дверях на широко расставленных ногах и медленно, беззвучно хлопал в ладоши. Глаза заspanные, на губах пренебрежительная усмешка. Банный халат на нем, тапочки на босу ногу.

— Bravo! — повторил он, подошел к груше и громко хлопнул по ней ладонью. — Ловко ты! Бац-бац! До полусмерти бедную грушу забил. Она даже ответить тебе боится. А если я за нее заступлюсь? — Горохов подошел к окну, взял перчатки.

Жилкин предусмотрительно встал так, чтобы их разделяла груша.

— Как насчет спарринга? — Горохов надел левую перчатку, потянулся за правой.

— Я уже закончил.

— Это тебе так кажется.

— Я устал.

— Что, в штаны наделал?

— На работу надо собираться.